

МИФОЛОГЕМА «СОЛНЦЕ» В ПЬЕСЕ М. ГОРЬКОГО «ДЕТИ СОЛНЦА»

В основе статьи – рассмотрение функционирования мифологемы «Солнце» в пьесе М. Горького «Дети солнца». Устанавливается, что культурно-символический образ солнца играет значительную роль в драматургии Максима Горького. Писатель активно использует мифологему «Солнце», подчеркивает, заставляет нас обратить на нее внимание. Образ солнца организует хронотопическую систему, взаимодействует со звериным мотивом, выстраивает вертикальное распределение персоналий, ярче «прорисовывает» систему образов, помогает понять и проанализировать пьесу Максима Горького совершенно на новом уровне.

Ключевые слова: мифологема, символ, культурно-символический образ, архетип, солярная символика.

Мифопоэтический анализ помогает раскрыть сложные онтологические смыслы, которые оказываются неочевидными при других методах рассмотрения художественного произведения. Именно поэтому нам показалось важным обнаружить некоторые смыслопорождающие образы в драматургии М. Горького. Одним из «любимых» архетипов художественного сознания рубежа XIX–XX вв. был архетип солнца. Солярную символику в своих произведениях использовали многие поэты Серебряного века: например, К. Бальмонта в его сборнике стихотворений «Будем как Солнце», А. Белый в «Солнце», «Светлая смерть», «Солнца контур старинный», «Золотое руно», М.И. Цветаева «Солнце вечера – добрее», «На солнце, на ветер, на вольный простор», «Оба луча», Д.С. Мережковский «Солнце мексиканское предание» и другие. «Солнечную» образность можно встретить и в драматургии рубежа веков: В. Брюсов «Земля», Г. Гауптман «Потонувший колокол» и «Перед заходом солнца», Г. Ибсен «Строитель Сольнес».

Мифологемой «солнце» было буквально насыщено все творчество Максима Горького. Уже в ранних романтических рассказах, таких как «Старуха Изергиль», «Макар Чудра» и др., появляются «солнечные» герои, мотивы и идеи. Уже в горьковской прозе солнечная символика способствует созданию вертикального образа мира, стремлению к космизации, гармонизации мира, осознать себя «детьми солнца», делателями новой жизни. Эти смыслы возникают в искусстве начала XX века не без влияния книги немецкого астронома Германа Клейна «Астрономические вечера», очень популярной в свое время. В ней астроном почти обожествлял солнце, и его пантеизм оказался очень близок как самому Горькому, так и другим художникам порубежного времени [2, с. 176].

* © Козлова Ю.А., 2017

Козлова Юлия Анатольевна (malina393765299@yandex.ru), кафедра журналистики, Самарский государственный социально-педагогический университет, 443099, Российская Федерация, г. Самара, ул. М. Горького, 65/67.

Начиная с пьесы «Мещане» 1901 года образ солнца в драматургии Горького принимает новое сакральное значение, или, если сказать по-другому, мифологизируется. В четвертом действии Тетерев рассказывает о себе как о бродяге:

*Солнца, счастья шел искать...
Наг и бос вернулся вспять,
И белье и упованья
Истаскал в своем скитанье [1, с. 83].*

Здесь солнце выступает как ориентир пути и движения. Идти навстречу солнцу — значит прокладывать путь к счастью.

В пьесе «На дне», перед смыслообразующей кульминацией 4-го действия, упоминается о солнце в известной тюремной песне: «Вечер, заходит солнце...». Важно, что и в пьесе «Дачники» есть упоминание о солярной символике — все четыре действия происходят на заходе солнца. В пьесе 1910-х годов «Чудаки» главный герой, писатель Матаков, тоже в какой-то степени констатирует свою принадлежность к «детям солнца», в частности, он говорит о солнцепоклонстве как способе преодолеть страх смерти: «Знаете ли вы, что солнце каждый день новое? Вы читали что-нибудь о Хорсе, боге солнца, и дочерях его хорсалках...» [1, с. 136].

Конечно, наиболее полное воплощение этот образ находит в пьесе «Дети солнца». М. Горький пишет «Детей солнца» в Петропавловской крепости в 1905 году во время ареста за участие в протестах против событий «кровавого воскресенья». Горький изображает картину разобщенности русского общества, разорванности его на мир культуры и мир дикости. Общества, в котором одни стремятся к гармонизации мира, его космизации, стремятся к солнцу, другие, народная стихия, этого стремления не поддерживают.

Для дальнейшего анализа важно отметить распределение в пьесе действующих лиц по системе верх / низ. Верх, или собственно «дети солнца» — Павел Федорович Протасов — ученый-химик; Елена Николаевна — его жена; Дмитрий Сергеевич Вагин — индивидуалист и художник. Низ составляют люди, находящиеся за пределами дома Протасовых: это рассудительный скептик и ветеринар Чепурной; его сестра Мелания; Назар Авдеевич — хозяин дома, в котором живут Протасовы; сын Назара Авдеевича, Егор — слесарь; Фима и Луша — горничные и т. д. Промежуточное положение между верхом и низом занимает сестра Протасова Лиза. На протяжении развития сюжета острее всего ощущение трагизма, предстоящей катастрофы нарастает именно у нее. Вот лишь несколько ее высказываний:

Лиза (тревожно, болезненно). *Вы все — слепые! Откройте глаза; то, чем живете вы, ваши мысли, ваши чувства, они — как цветы в лесу, полном сумрака и гниения... полном ужаса... Вас мало, вы незаметны на земле... [1, с. 324]*

Лиза (вскакивая). *Павел, это хорошо! Дети солнца... Ведь и я?.. Ведь и я? Скорее, Павел, да? И я тоже?*

Протасов. *Да, да! И ты... все люди! Ну, да, конечно!*

Лиза. *Да? О, это хорошо... Я не могу сказать... как это хорошо! Дети солнца... да? Но — у меня расколота душа, разорвана душа... вот, послушайте! (Читает, сначала с закрытыми глазами.) [1, с. 326]*

*...Но — знаю я темные норы,
Живут в них слепые кроты;
Красивые мысли им чужды,
И солнцу душа их не рада,
Гнетут их тяжелые нужды,*

*Любви и вниманья им надо!
Они между мною и вами
Стоят молчаливой стеною...
Скажите – какими словами
Могу я увлечь их за мною?* [1, с. 326]

О промежуточном положении Лизы между «верхом» и «низом» говорит ее фраза: «Они между мною и вами». Она не понимает, почему одни купаются в свете своего солнца, но не несут его другим. Романтические призывы брата ее уже не удовлетворяют, а надвигающееся ощущение фатальности будущего и реальное самоубийство Чепурнова приводят к тому, что в финальной сцене Лиза и вовсе сходит с ума.

Лиза и Протасов образуют пару связанных и вместе с тем противопоставленных друг другу культурных героев, таким образом, идет речь о наиболее архаичной форме солярных мифов, представленных близнечными мифами, т. е. солнцем и луной. Важно, что Протасов нередко произносит фразу: «Мы, дети солнца».

Протасов. *Мы – дети солнца! Это оно горит в нашей крови, это оно рождает гордые, огненные мысли, освещая мрак наших недоумений, оно – океан энергии, красоты и опьяняющей душу радости!* [1, с. 326]

В солярной символике у солнца – у хозяина света и тени – обычно есть помощники, чаще всего дети, которые зажигают свет. Такими детьми солнца, как мы сказали выше, являются Елена, Вагин и Протасов. На светлость и возвышенность Протасова указывает и Мелания.

Мелания. *Радость вы моя, какой он светлый... чудный какой!* [1, с. 306]

Мелания (искренно). *Как бы я хотела сделать что-нибудь для вас, если бы вы знали! Я так восхищаюсь вами... вы такой неземной, такой возвышенный...* [1, с. 295]

Разговоры о «светлых», «солнечных» началах достигают кульминации во втором действии, в диалогах между «детьми солнца».

Елена. *Красивое – редко, но когда оно истинно красиво, оно согревает мне душу, как солнце, вдруг осиявшее пасмурный день...* [1, с. 318]

Елена. *Нужно, чтоб в искусстве отражалось вечное стремление человека в даль, к высоте... Когда это стремление есть в художнике и когда он верует в солнечную силу красоты, его картина, книга, его соната – будут мне понятны...* [1, с. 319]

Вагин. *Да, к источнику жизни!.. Там, вдали, среди туч, яркое, как солнце, лицо женщины...*

Протасов. *Не нужно бури, господи! Или – нет! – пусть будет буря, но впереди, на пути ко- рабля, горит солнце! Ты назови свою картину «К солнцу!», источнику жизни!* [1, с. 321]

Протасов, Елена и Вагин стремятся к гармонии как внутри себя, так и внешне, отсюда и стремление к высоте, дали, солнцу, т. к. в пантеистических представлениях о солнце оно организует вокруг себя некий универсум, гармонию. Концепт солнца имеет много значений, нам же интересен мифосимволический логос. Говоря о мифологеме «солнце», важно отметить, что у разных народов есть свои солярные мифы и свое представление о солнце, но одно остается практически неизменным, что люди всегда ощущали свою зависимость и связь с солнцем, они угадывали, что судьбы земли тесно связаны с судьбами солнца. Поэтому нет ничего удивительного, что издревле человек признавал источник света, тепла и жизни своим главным богом и представлял его в антропоморфических и зооморфических образах.

Образу солнца в пьесе противостоит образ зверства, оба образа находятся в полном взаимодействии и взаимодополнении, помогают раскрыть сложившуюся систему персонажей. Зверство в основном реализуется в репликах обитателей «низа», т. е. тех, кто находится за пределами барского дома. В словесном сюжете пьесы особое место занимают разговоры о человеке и звере, а точнее, о противопоставлении человека зверю. Такие люди-звери непонятны «детям солнца», они затрудняют движение. Показателен в этом плане монолог между Протасовым, обитателем «верха», и Егором, обитателем «низа».

Протасов. *Вы понимаете? Так зачем же вы деретесь? Это зверство, Егор... это надо оставить вам... Вы — человек, вы разумное существо, вы самое яркое, самое прекрасное явление на земле...*

Егор (усмехаясь). *Я?*

Протасов. *Ну да!*

Егор. *Барин! А вы бы спросили сначала, за что я ее бью?*

Протасов. *Но — поймите: бить нельзя! Человек человека не должен, не может бить... это же так ясно, Егор!*

Егор (с усмешкой). *А меня били... и очень даже много... Если же про жену сказать... может, она не человек, а — черт... [1, с. 291]*

Протасов намекает на великое предназначение человека в этом мире, говорит о его уникальности, яркости. Егор же, «находясь на земле», сомневается в том, человек ли он, человек ли его жена.

Сам Чепурной, являясь обитателем низа и, что немаловажно, ветеринаром по профессии, говорит о человеке, как о ненужной, неприятной и бесполезной вещи.

Чепурной. *Разве вы не говорите, что люди — звери, что они грубы, грязны и вы боитесь их? Я тоже знаю это и верю вам... А когда вы говорите — надо любить людей, я не верю.*

Чепурной. *Может быть... Но я понимаю, что любить можно полезное или приятное: свинью, потому что она ветчину и сало дает, музыку, рака, картину... А человек — он же бесполезен и неприятен... [1, с. 304]*

Также важно отметить, как Елена, будучи одной из «детей солнца» функционирует между этими мирами: миром людей, «детей солнца», и миром зверства, «детей земли».

Несмотря на то что Елена является обитателем верха, ее можно считать и своеобразным медиатором, который легко совершает перемещения с «верха» в «низ». Вспомним момент, когда она идет помогать жене Егора, показательны и ее возражения Вагину о цели искусства для людей. Интересным остается и тот факт, что само имя Елена соотносится с понятиями «солнечный луч» и «солнечный свет». Елена, спускаясь в «низ», приносит с собой солнечный свет, а использование света / огня в жизни — самый наглядный и универсальный признак выделения человека из животного царства.

Образ «солнца» по праву можно назвать наиболее встречающимся символом во всей мировой культуре человечества, будь то литература, изобразительное искусство, декоративно-прикладное, музыкальное, театральное, его можно встретить даже в архитектуре. В древней мифологии архетип «солнце» связан в первую очередь с домашним очагом, уютом, является символом жизни и тепла. Различные религии, философские школы придавали иную интерпретацию этому символу — как способности и к очищению и перерождению. По-другому воспринимали эту мифологему символисты, для которых «рубежное» настроение, чувство свершения чего-то нового было связано с космизмом, стремлением к универсальности и гармонизации мира.

Культурно-символический смысл образа солнца играет значительную роль в драматургии Максима Горького. Этот образ организует хронотопическую систему пьесы таким образом, чтобы дать возможность героям преодолеть экзистенциальный конфликт, устремиться к идеалу, к духовному прорыву. Взаимодействуя с образом зверства, образ солнца в конце концов обнаруживает разрушение романтических иллюзий раннего Горького.

Библиографический список

1. Горький М. Пьесы «Мещане», «На дне», «Дети солнца» // Горький М. Собр. соч.: 30 т. Т. 6. М., 1950.
2. Журчева О.В. Автор в драме: формы выражения авторского сознания в русской драме XX века. Самара: Изд-во СПГУ, 2007.

References

1. Gorky M. *P'esy «Meshchane», «Na dne», «Deti solntsa»* [Plays «The Philistines», «The Lower Depths», «Children of the Sun»]. In: Gorky M. [Collected works: 30 Vols. Vol. 6]. M., 1950 [in Russian].
2. Zhurcheva O.V. *Avtor v drame: formy vyrazheniia avtorskogo soznaniia v russkoi drame XX veka* [The author in the drama: forms of expression of author's consciousness in the Russian drama of the XX century]. Samara: Izd-vo SPGU, 2007 [in Russian].

*Ju.A. Kozlova**

MYTHOLOGEME «SUN» IN M. GORKY'S PLAY «CHILDREN OF THE SUN»

At the core of the article is the review of functioning of mythologeme «the Sun» in the play by M. Gorky «Children of the Sun». It is established that cultural and symbolic image of the sun plays a significant role in the drama of Maxim Gorky. Writer actively uses the mythologeme of the «sun», stresses, forces us to pay attention to it. The image of the sun organizes chronotopic system, interacts with the animal motive, organizes vertical distribution of personalities, brighter «draws» the system of images, helps us to understand and analyze a play by Maxim Gorky on a completely new level.

Key words: mythologeme, symbol, cultural and symbolic image, archetype, solar symbolism.

Статья поступила в редакцию 14/XII/2016.
The article received 14/XII/2016.

* *Kozlova Juliya Anatolievna* (malina393765299@yandex.ru), Department of Journalism, Samara University of Social Sciences and Education, 65/67, Maxim Gorky St., Samara, 443099, Russian Federation.